

Николай Джавахишвили

**Страницы из истории взаимоотношений
грузин с карачаевцами и балкарцами
(с XIX века до середины XX века)***

Грузино-северокавказские отношения восходят корнями к глубокой древности. На протяжении многих веков отношения между народами Кавказа развивались с различной интенсивностью. Грузинские цари и владельческие князья всегда придавали большое военно-политическое значение тесным связям с горцами, проживающими по ту сторону Кавказского хребта. Поэтому они старались поддерживать с северокавказскими народами (в том числе карачаевцами и балкарцами) добрососедские, дружественные отношения.

В очерке представлено несколько эпизодов из истории взаимоотношений грузин с карачаевцами и балкарцами. Хронологические рамки очерка охватывают период с начала XIX века – до середины XX века. Очерк состоит из трёх частей.

1) Из истории династических браков (XIX в.)

За углублением дружественных связей грузинских царств и княжеств с народами Северного Кавказа последовали династические браки, которые были довольно распространённым явлением. Княжны из знатных северокавказских родов часто выходили замуж за грузинских царей и владельцев князей. Такое объединение служило надёжным основанием для укрепления военно-политического союза между правящими кругами этих

* მოხსენება წაკითხულ იქნა მოსკოვში, რუსეთის ფედერაციის მეცნიერებათა აკადემიაში გამართულ საერთაშორისო სამეცნიერო კონფერენციაზე: „ყარაჩაელ-ბალყარელი ხალხების ეთნოგენეზი, ისტორია, ენა და კულტურა“ (2014 წლის 23-29 ნოემბერი). კონფერენციის ორგანიზატორები იყვნენ: რუსეთის ფედერაციის მეცნიერებათა აკადემიის ნ. მიკლუხო-მაკლაის სახელობის ეთნოლოგიისა და ანთროპოლოგიის ინსტიტუტი, უ. ალიევის სახელობის ყარაჩაი-ჩერქეზეთის სახელმწიფო უნივერსიტეტი და ჰუმანიტარულ კვლევათა ყარაჩაელ-ბალყარული სამეცნიერო ცენტრი.

народов. Одновременно эти факты свидетельствуют и о большом уважении, которое эти народы питали друг к другу.¹

Довольно часто династические браки случались между представителями владетельного княжеского рода Сванетии (по-грузински – Сванети) – Дадешкелиани (тот же Дадишкелиани) и отдельных карачаевских и балкарских княжеских родов. Подобные браки продолжались до XX века.

Расположенная на южных склонах Большого Кавказа историческая область в северо-западной Грузии – Сванетия – всегда являлось надёжным хранилищем культурных ценностей Грузии. С XVIII века западной частью Верхней (Ингурской) Сванетии правила династия владетельных князей Дадешкелиани. В 1833 году главы двух линий дома Дадешкелиани заключили с Россией договор о протекторате. Высочайшим повелением 26 декабря 1833 года князья – правители двух частей Сванетии – Татархан (тот же Николай) и Циох (тот же Михаил) Дадешкелиани были утверждены в наследственном достоинстве князей Российской империи.

Наместник императора на Кавказе, генерал-фельдмаршал Александр Иванович Барятинский (1815-1879) докладывал военному министру Российской империи: «Как ни незначительна сама по себе Сванетия, но по центральному положению ея между Кабардой, Кара-чаем, Цебельдой и Самурзаканью – племенами, хотя покорными, но полудикими – и по близости Сванетии к неприязненным нам горцам, всякое волнение в ней могло бы быть для нас весьма опасно. Не только при открыто враждебном к нам отношении, но даже при отношении сомнительном, Сванетия, по малодоступности своей, легко могла бы сделаться притоном для всех соседних абреков и совершенно изменила бы положение наше на всей западной половине Закавказья. Необходимо было вполне и окончательно разъяснить отношение к нам князей Дадишкелиани и, в случае непослушания их, не теряя времени, силою принудить к повиновению».²

Вышеупомянутый князь Николай Дадешкелиани (скончался в 1849 году), владетель общин Бечо, Эцеры и Цхумари, был женат на дочери карачаевского князя – Тамаре Ваховой.

¹ В. Багратиони. История Грузии. В книге: «Картлис Цховреба» (История Грузии). Подготовил к изданию по всем основным рукописям С. Каухчишвили. Т. IV, Тб. 1973; Т. Боцвадзе. Из истории грузино-кабардинских отношений (XVI-XVIII вв.), Тб. 1963; З. Анчабадзе, Т. Боцвадзе, Г. Тогошвили, М. Цинцадзе. Очерки истории горских народов Кавказа. Т. I, Тб. 1969; Н. Джавахишвили. Очерки из истории взаимоотношений грузинского и адыгских народов, Тб. 2005 (на грузинском языке).

² Акты, собранные Кавказской Археографической комиссией. Архив Главного управления наместника Кавказского (под редакцией А. Берже). Т. XII, Тифлис, 1904, с. 369 (на русском языке).

Николай Дадешкелиани был потомком владетельных князей – Карги-Отара, который правил в середине XVIII века, и Баба-Циоха, который скончался в 1812 году.

У князя Николая Дадешкелиани и Тамары Ваховой было три сына – Отар, Джансуг (тот же Леван), Мосостри – и одна дочь (имя неизвестно), которая вышла замуж за карачаевского князя Девлет-Гирея Крымшамхалова.

Старший сын Николая и Тамары – Отар Дадешкелиани (скончался в 1854 году) был женат на дочери балкарского князя Урусбиева – Минат. У них родились четыре сына – Леван (1829-1889), Ислам, Бекирби (Бекир-бей), Циох и дочь – Даумхан (1855-1899), та же Елена.³

Как вспоминали современники, князь Отар Дадешкелиани «отличался необычно высоким ростом, красотой и храбростью».⁴

Следует отметить, что Отар Дадешкелиани, будучи по рождению христианином, женился на мусульманке и принял ислам, воспитав всех своих сыновей в магометанстве. По этой причине русские власти сочли необходимым устранить его потомство от управления Сванетией (учитывая опасность дальнейшего распространения там ислама). Его детям было даже запрещено носить фамилию Дадешкелиани и приказано именоваться князьями “Отаровыми”. Они были удалены из Сванетии.⁵

17 августа 1857 года генерал-фельдмаршал А. Барятинский докладывал военному министру Российской империи: «По смыслу Всемиловейше пожалованных грамот, в 1833 году, князьям Циоху (Михаилу) и Татархану (Николаю) Дадишкелиани и удостоенных Высочайшаго утверждения просительных пунктов этих князей, при сем в копии прилагаемых, Княженская Сванетия состоит из двух владений (во владении дома Циоха состояла часть, называемая Чубехеви; во владении Татархана – Эцери и Бечо), которые должны оставаться в потомстве двух названных князей по первородству в нисходящей линии... Татархана имение его должно было бы перейти в целости к старшему сыну Отару; но вопреки просительным пунктам оно было разделено между обоими сыновьями: Отаром и Джамсухом. Ныне оно должно быть снова соединено в одно целое; но так как старший из двух сыновей Татархана, рожденный в христианстве, после брака своего с мусульманкой принял магометанскую веру, в ней воспитал

³ С. Думин, П. Гребельский. Дворянские роды Российской империи. Т. IV. Князья Царства Грузинского. Под редакцией С. Думина и Ю. Чиковани, Москва, 1998, с. 86-88 (на русском языке).

⁴ М. Дадияни. Письма, дневники, Тб. 2011, с. 278 (на грузинском языке).

⁵ С. Думин, П. Гребельский. Дворянские роды Российской империи. Т. IV, с. 86-88.

всех сыновей своих и умер в магометанстве, то, для воспрепятствования исламу водвориться в Сванетии, я признал необходимым всех членов этого семейства удалить из Сванетии и даже воспретить им именоваться князьями Дадишкелиани, а назваться князьями Отаровыми; всё же имение кн. Татархана передать в род внука его, старшего сына Джамсуха, кн. Тенгиза, исповедующего православную веру; но, вместе с темъ, обязать этого князя обеспечить князей Отаровых или единовременную уплатою известной суммы, или ежегодною выдачею части доходов».⁶

30 апреля 1859 года генерал-фельдмаршал А. Барятинский докладывал военному министру Российской империи: «Кн. Михаил Джамсухов Дадишкелиани есть родной брат Тенгиза, вступившаго в укрепление Эцери и Бечо, а Бекир-бей Отаров, хотя и исповедует мусульманскую веру, вследствие чего, по Высочайшему повелению, изъясненному в отзыве № 9285, лишен права на владение наследством деда его, кн. Татархана и фамилии кн. Дадишкелиани и назван кн. Отаровым, но всегда оставался нам преданным и, несмотря на смуты, бывшия в Сванетии, досель не замечен ни в чем, что бы могло быть поставлено ему в укоризну».⁷

Детям Отара Дадешкелиани какое-то время пришлось пожить на родине матери, в имении своего дяди (брата матери) балкарского князя Исмаила Урусбиева, пользующегося большим уважением на всем северо-западном Кавказе.

В воспоминаниях внука Отара Дадешкелиани, который в то же время являлся и внуком сестры Исмаила, читаем: «Тот, кто читал книгу профессора Ковалевского «Путешествие по Кавказу», непременно вспомнит упомянутого в ней Исмаила Урусбиева, человека всеми уважаемого и известного в той действительности. В книге автором многое было использовано из рассказанных Исмаилом кавказских легенд и древностей. Моя мама была племянницей Исмаила и выросла в его доме».⁸

Ислам Отарович Дадешкелиани женился на дочери карачаевского князя Дудова, а его брат Бекирби взял в жены Минат, дочь карачаевского князя Крымшамхалова.

Единственный сын Ислама Дадешкелиани – Джансуг (1855-1940) был женат на дочери балкарского князя Урусбиева – Мисирхан (1872-1952).

Внучка Николая Дадешкелиани и Тамары Ваховой – Салдахан (Салдатхан) Джансуговна (Левановна) Дадешкелиани (родилась в 1850 году) вышла замуж за балкарского князя Адингера Урусбиева.

⁶ Акты, собранные Кавказской Археографической комиссией. Т. XII, с. 371.

⁷ Акты, собранные Кавказской Археографической комиссией. Т. XII, с. 373.

⁸ М. Дадияни. Письма, дневники, с. 279.

Несмотря на то, что потомки Отара Дадешкелиани с конца XIX века уже были христианами и заключали браки тоже с христианами, среди них всё же преобладали мусульманские имена: Ислам, Бекирби, Мурзакан, Мухаммед, Кемлиат, Шамиль, Омар, Юсуп, Фатьма, Лейла, Дигорхан, Мадина и т. д.⁹

Как видим, браки между представителями одного из грузинских княжеских родов – Дадешкелиани и знатных карачаевских и балкарских родов были широко распространены вплоть до XX века.

Своей сутью это были политические браки, служившие прочной основой союза между правящими кругами грузинского и карачаево-балкарского народов, одновременно свидетельствуя о их взаимоуважении.

2) Из истории взаимоотношений грузин с карачаевцами и балкарцами (начало XX века)

В родстве с родом Урусбиевых были не только представители рода Дадешкелиани, но и близких к последнему княжеских родов.

В частности, дочь Отара Дадешкелиани и Минат Урусбиевой – Даумхан (Елена) Отаровна Дадешкелиани (1855-1899) в 1873 году вышла замуж за князя Константина Георгиевича Дадиани (1852-1903) – потомка (в четвёртом поколении) владетельного князя Мегрелии – Отии Бежановича Дадиани, который правил в 1728-1757 годах.¹⁰

Их старший сын Мушни (Иван) Константинович Дадиани (1874-1924) вспоминал: «Отцу очень нравилась мама. Мама же, будучи яркой мусульманкой, наотрез отказывалась выйти замуж за христианина. Отцу понадобилось немало усилий, чтобы склонить к этому браку родственников Даумхан. В конце концов и мама покорилась воле своей матери – Минат Урусбиевой – и приняла христианство, после чего её препроводили к жениху во дворец Чкадуаши».¹¹

Мушни Дадиани служил в Нижегородском драгунском полку и слыл смелым офицером. Он стал членом социалист-федералистской партии и с начала революции 1905 года примкнул к грузинским политическим силам, вовлеченным в революцию. В период репрессий, начавшихся с целью подавления революции, Мушни был вынужден скрываться в Карачае, у родственников своей матери. В дневнике Мушни Дадиани сохранились интересные сведения о взаимоотношениях грузин с карачаевцами и балкарца-

⁹ С. Думин, П. Гребельский. Дворянские роды Российской империи, с. 89-90.

¹⁰ С. Думин, П. Гребельский. Дворянские роды Российской империи, с. 64-65.

¹¹ М. Дадиани. Письма, дневники, с. 279-280.

ми в начале XX века, а также о быте и обычаях карачаевцев и балкарцев, их гостеприимстве.

Интересно, что вместе с Мушни Дадиани путешествовал его друг Спиридон Кедия (1884-1948), который впоследствии стал лидером Национал-демократической партии и известным представителем грузинской эмиграции.

В 1924 году, после подавления известного антибольшевистского восстания в Грузии, Мушни вместе со своим младшим братом Отаром (тот же Давид, 1892-1924) был расстрелян большевиками.¹²

Свою поездку в Карачаево-Балкарии к своим родственникам Мушни вспоминал следующим образом: «13 марта 1906 года, по старому стилю... из селения Бечо... направились я и Спиридон Кедия в метель и вьюгу к Шихре... перешли мост через Баксан и прибыли в село Тегенкала, в дом Элмурза Хакилара (16 марта). Он был молочным братом моей матери и воспитателем моего младшего брата Отара. Постучались в дверь. Спрашивают:

– Ким-дур?

– Конак, конак, – ответил я.

Открылась дверь и навстречу вышла няня Отара старая Сули. Я едва стоял на ногах... Дальше ничего не помню. Как потом сказали, оказывается, я упал. Проснулся я от сильной боли и жжения в ноге... она была стерта до трещин на коже. Лечила меня няня Отара недели две и вылечила наконец. Спросила:

– Что стряслось? В такую зиму зачем пришел? Что за нужда заставила?

– Пришёл из Исису (т. е. из Кисловодска), _ ответил я.

– С такими-то ногами? О, гяур, – шутя сказала няня, – лжешь, жулишь, ты – бунтовщик, изменил урусскому фадishaху.

– Ну, няня, Отар олм, сен, менм, келаген бирадамга айтма, нечудесун башна сааке (*Поклянись Отаром, что никому не скажешь о моем приезде, это очень опасно для меня*)...

Мы оставались там до моего окончательного выздоровления. И Спиридон невольно привык к той жизни... Уж очень они заботились о нас... Представьте, что старый Михай из Сванетии сам сопровождал нас до Баксана к двоюродному брату моей матери – Наврузу Урусбиеву, который был студентом Московского университета. Он очень уважил нас, устроив в прекрасной гостинице, при которой была богатая библиотека с книгами на русском, французском, немецком языках, а также журналы и газеты 1904-1905 годов...

¹² С. Думин, П. Гребельский. Дворянские роды Российской империи, с. 64-66.

Спиридон признался мне, что хочет вернуться в Кутаиси, а потом – в Европу для продолжения учебы... 19 апреля мы простились с ним про-слезившись».¹³

Проводив Спиридона Кедия, Мушни Дадиани простился с Наврузом Урусбиевым и уехал в Теберду.

В воспоминаниях Мушни Дадиани читаем: «Я поехал к Кубанскому округу, в Большой Карачай к Исмаилу Крым Шамхалу, жившему в селе-нии Теберда. Навруз послал со мной верного человека, дал хорошего коня и мы отправились через село Кардук к Бал-Баши... Ехали горными тропа-ми всю ночь. К рассвету подъехали к палатке одного пастуха. Здесь мы передохнули, накормили лошадей, поспали. Около полудня нас разбудил хозяин... Угостил нас вкуснейшим обедом из жаренной баранины... По-обедав, мы пустились в путь. Наконец мы добрались до одного богатого пастуха, у которого было до десяти тысяч голов баранов, не считая табуна лошадей и стада коров. Он щедро угостил нас, зарезал огромного барана, накормил вкусным лицмаром, пили бузу, сра, айран. Этот карачаевец из рода Хаджиларов оказался сыном няни моей матери. Он очень обрадовал-ся, узнав, что я сын Даумхан, и обнял меня. На следующее утро, прознав о моей нужде, он умолял меня остаться с ним. Но я отказался... Мы прости-лись и направились к селению Карт-Джурт».¹⁴

Таким образом, в дневнике князя Мушни (Ивана) Константиновича Дадиани (1874-1924) сохранились интересные сведения о взаимоотноше-ниях грузин с карачаевцами и балкарцами в начале XX века, а также о бы-те и обычаях карачаевцев и балкарцев, их гостеприимстве.

3) Из истории взаимоотношений грузин с карачаевцами и бал-карцами (40-50-ые годы XX века)

В период второй мировой войны по решению правительства СССР карачаевцы и балкарцы массово были сосланы в Центральную Азию.

Грузинская политическая эмиграция, которая всегда поддерживала тесный союз с северокавказскими народами,¹⁵ сердечно сочувствовала жес-

¹³ С. Думин, П. Гребельский. Дворянские роды Российской империи, с. 287-290.

¹⁴ М. Дадиани. Письма, дневники, с. 291-292.

¹⁵ Н. Джавахишвили. Борьба за свободу Кавказа (Из истории военно-политического сотру-дничества грузин и северокавказцев в первой половине XX века), Тб. 2005, с. 70-131; Н. Джавахишвили. Из истории сотрудничества кавказских политических эмигрантов (в пери-од с 1921-го до начала 1940-х гг.). Журнал социально-политических и экономических иссле-дований «Кавказ и глобализация». Т. 3. Выпуск 4. Швеция, 2009, с. 169-176 (на русском языке).

токо наказанным свободолюбивым горцам.¹⁶

Известный представитель грузинской политической эмиграции, национал-демократ Александр Цомаиа (1907-1957) в своей статье «Геноцид», опубликованной на английском языке в журнале «The Voice of Free Georgia», издаваемом в Нью-Йорке, отмечал: «В чем обвинили северокавказцев? В том, что их часть взяла оружие для освобождения собственной Родины. Разве не так же поступили тысячи русских? Разве не Власов и другие генералы руководили Российской Освободительной Армией? Разве весь русский народ был уничтожен по обвинению «в измене»? Конечно нет! Власова наказали смертью, но никто не тронул русского населения.

Москва выбрала два направления действия: первое – для русских, а второе – для нерусских народов... Это преступление Москва заранее поставила целью, которая ясна для всех кавказцев.

Мы должны помнить, что на Кавказе коммунизм насаждали силой оружия и, естественно, кавказцы сопротивлялись этому, как могли. После советизации ни в одном уголке СССР не было такого сопротивления, как на Кавказе... В течение 20 лет Россия упорно пыталась заставить кавказцев отказаться от собственной индивидуальности, а когда убедилась, что достигнуть этого невозможно, решила принять радикальные коммунистические меры. Вторая мировая война дала великолепный шанс для осуществления такого плана.

Мы знаем, что русский народ, который так же страдает от коммунизма, не должен быть обвинен в этом. Мы не собираемся это делать. Мы уважаем все народы и знаем, что кремлевских криминалов не интересует мнение русского народа. Но беда в том, что сходство политики по отношению к кавказским народам старого царизма и советского правительства явно налицо».¹⁷

Свою статью А. Цомаиа завершает на оптимистической ноте. Он уверенно отмечает: «Эпоха колониализма закончилась. Будущее принадлежит свободному народу. Прогресс истории нельзя остановить на грани СССР! И это в нас вселяет уверенность в том, что Кавказ вновь восстановится и будет независимым!».¹⁸

После переселения карачаевцев в Центральную Азию южная часть Карачая была передана Грузинской ССР. Город Микоян-Шахар был пере-

¹⁶ А. Цомаиа. Избранные произведения. Подготовил к изданию Г. Шарадзе, Тб. 2000, с. 254-262 (на грузинском языке).

¹⁷ А. Tsomaia. Genocide. Magazine «The Voice of Free Georgia». New-York, 1954, № 5, pp. 4-5 (на английском языке).

¹⁸ А. Tsomaia. Genocide, p. 6.

именован в Клухори. В этом регионе поселили грузин с приграничных районов, в частности переселенные из Сванетии поселились в окрестностях Эльбруса, у истоков реки Кубань, а из Рачи – в ущелье Теберды.

Известный грузинский советский партийный и государственный деятель Кандид Чарквиани (1906-1994), который руководил ЦК Компартии Грузии в 1938-1952 годах, в своих воспоминаниях отмечает: «Меня отнюдь не радовала передача части территорий карачаевцев, балкарцев, чеченцев и ингушей Грузии. Я внутренне никак не мог примириться с тем, что из-за ста, или пусть даже тысячи изменников эти народы согнали с мест и выслали в далекий Казахстан. Присоединение этих «пепелищ» к Грузии мы считали неоправданным, но ничего с этим не могли поделать: такова была воля власти и мы должны были подчиниться. Руководство Грузии не просило этих земель и с ним заранее не согласовывался этот вопрос. Таким образом, наша совесть была чиста».¹⁹

В числе переселенных в Клухори грузин был уроженец высокогорного села Геби в Верхней Раче Дмитрий Лобжанидзе, который впоследствии издал мемуары «Грузины в Клухори».²⁰

В вышеупомянутой книге читаем: «Одна часть жителей Геби, вместе с моей семьей, ветреной весной 1944 года покинула родные места, пересекла необозримые степи Северного Кавказа и поселилась в одном из красивейших мест Кавказских гор, в долине у слияния бурных рек – Кубани и Теберды, в селении Мзиса Клухорского района. Там мы жили и работали несколько лет, но потом были вынуждены покинуть уже насиженные места. Однако сладкие воспоминания о тех годах мы пронесли через всю нашу жизнь».²¹

Местные власти советовали переселиться в Клухори малоземельному населению Сванетии и Рачи: «Поезжайте, осмотритесь. Если понравится место и удовлетворят условия жизни – оставайтесь и живите. Если же нет – ваши здешние дома никуда не уйдут, возвращайтесь и живите, как жили».²²

Д. Лобжанидзе вспоминает: «И сейчас у меня перед глазами готовая к отъезду, взбудораженная как растревоженный улей деревня. Некоторые семьи разделились надвое: часть оставалась, а другая покидала вотчину и отправлялась в неизвестное... Одним словом, забот хватало и уезжающим, и остающимся, о чем красноречиво свидетельствовали хмурые лица...

¹⁹ К. Чарквиани. Пережитое и осмысленное, Тб. 2004, с. 499-500 (на грузинском языке).

²⁰ Д. Лобжанидзе. Грузины в Клухори, Тб. 2005 (на грузинском языке).

²¹ Д. Лобжанидзе. Грузины в Клухори, с. 20.

²² Д. Лобжанидзе. Грузины в Клухори, с. 47.

Стоял апрель... К полудню отъезжающие в Клухори, подтвердившие свое согласие подписью, уже были размещены на машинах. По прибытии в Кутаиси их сразу посадили в грузовые вагоны... А поутру, проснувшись, мы увидели как наш поезд разрезал безграничное пространство бескрайних степей... Правда, наше переселение в Клухори называлось плановым и добровольным, однако подписавший свое согласие уже не мог отказаться от отъезда на чужбину».²³

Первый поток грузинских переселенцев поселился на 11 сельбищах. Через несколько лет появилось новое село – Бари, в котором обосновались грузины, переселившиеся из Северной Осетии, в частности из Беслана.

Отметим, что небольшой части карачаевцев удалось избежать высылки в Казахстан. Некоторые из них нашли убежище в лесах... Оставшиеся на родине карачаевцы поддерживали с грузинами добрососедские отношения. О них вспоминает проживающий в селении Мзиса (бывшая Нижняя Теберда) все тот же Д. Лобжанидзе: «На территории района было всего несколько таких семей. В Мзиса их было не более десяти. Они жили на разных участках села и, добровольно запертые в своих усадьбах, не выходили за ворота. Понятно, что страх перед выселением в них все еще гнезвился...

Когда лед недоверия между нами окончательно растаял и они убедились, что общение с нами не принесёт им никакого вреда, возникло взаимодоверие. Однако, когда речь заходила о выселении, они упорно нас убеждали, что они не карачаевцы, а переселенцы из Дагестана, потому и избежали выселения. Как видно, осторожничали...

Впрочем, им нечего было бояться – грузин по своей природе не доносчик. Мы никогда не обсуждали с ними, насколько справедливо было то, что их не сослали в Среднюю Азию, как многих их собратьев. Со временем они поняли это и совместное проживание в одном селе, необходимость вместе трудиться и делать общее дело нас настолько сблизило, что, вопреки разному вероисповеданию, появились смешанные семьи. Кроме того, поскольку в селе не было других школ, карачаевцы отдавали своих детей в грузинскую школу, где они обучались вместе с нашими детьми. В Мзиса функционировала только одна восьмилетняя школа и по ее окончании дети карачаевцев свободно владели грузинским языком. Надо отметить также, что дети из грузинских семей, проживающие бок о бок с карачаевцами и ежедневно общающиеся со своими сверстниками, прекрасно овладели карачаевским языком. И я не помню случая, чтобы в течение

²³ Д. Лобжанидзе. Грузины в Клухори, с. 48-53.

тринадцати лет, прожитых нами в Клухори, грузины дали бы повод для размолвок между нами и карачаевцами».²⁴

Марсель Лобжанидзе, по происхождению из рачинского села Геби, вспоминает одно событие из своего детства, проведенного в селе Мзиса: «Однажды вечером я и мои сверстницы направлялись на ферму... Тогда мы работали на колхозной ферме – кто дояркой, а кто пастушком. Спустилась ночь, когда мы в лесу заметили костёр, вокруг которого сидели и ужинали пять или шесть человек. Поначалу мы испугались, так как ходили слухи о разбойниках, окопавшихся в лесах. Мы было уже собрались податься назад, но нас успокоила бывшая с нами девочка-карачаевка. Она была из той семьи, которая выдавала себя за дагестанцев...Таких семей, утверждавших, что правительство их не сослало потому, что они лезгины, в нашем селе было семь или восемь.

Сидящие у костра тоже заметили нас, подозвали, успокоили... Оказалось, что ссылке в Среднюю Азию они предпочли уйти в леса, где и жили с тех пор. Среди них был и Хамит – наш односельчанин, старший сын Али Буты, семья которого жила недалеко от сельской мельницы и кузницы. Наши семьи дружили, именно благодаря общению с ними я выучился карачаевскому языку. Два года назад Хамит был призван в армию на обязательную службу, но по дороге сбежал и присоединился к «лесным братьям», боясь наказания. Завидя нас, он очень обрадовался...

Когда мы уходили, они просили нас никому ничего не говорить о них во избежание неприятностей, просили, если возможно, принести тайком... айран, т. к. уже давно не пробовали... Мы выполнили их просьбу... Впоследствии Хамит часто вспоминал об этом с благодарностью».²⁵

Думаем, достойно внимания следующее заключение Дмитрия Лобжанидзе: «Оценивая те взаимоотношения между грузинами и карачаевцами с высоты сегодняшнего дня, я все более убеждаюсь в том, что при обоюдном желании народов можно легко уладить без оружия даже самые сложные проблемы. Между людьми нет никаких проблем. Трудности создают лишь политиканы своим безрассудством».²⁶

В 1954 году по решению правительства СССР Клухорский район был возвращен в состав Российской Федерации. Грузинское население проживало там до 1957, т. е. до возвращения на родную землю карачаевцев и балкарцев. Город Клухори был переименован в Карачаевск.

²⁴ Д. Лобжанидзе. Грузины в Клухори, с. 91-93.

²⁵ Д. Лобжанидзе. Грузины в Клухори, с. 86-88.

²⁶ Д. Лобжанидзе. Грузины в Клухори, с. 95.

Этнолог Леван Пруидзе пишет: «Переселенные в Клухори грузины оказались в тяжелейшем положении, но каждый человек, каждая семья проявили столько предусмотрительности, такта и ума, что с возвратившимися карачаевцами не случилось даже просто словесной перепалки. Их приняли с истинно грузинской сердечностью и любовью, великодушно уступили им ухоженные дома и усадьбы, продукты питания...

Ничего, кроме личных вещей, грузины не взяли с собой уезжая на родину. Примечательно, что переселенные из Сванетии своих покойников хоронили в родном регионе, а переселенным из Рачи, из-за более далёкого расстояния, это не удавалось. Но по возвращении в Грузию рачинцы увезли своих покойников и захоронили в родной земле. Не было ни одного конфликта. Грузины достойно вернулись на родину».²⁷

Таким образом, после массового переселения карачаевцев и балкарцев в Центральную Азию по решению правительства СССР южная часть Карачая была передана Грузинской ССР. Город Микоян-Шахар был переименован в Клухори. В этом регионе поселили грузин с приграничных районов, в частности, переселенные из Сванетии поселились в окрестностях Эльбруса, у истоков реки Кубань, а переселенные из Рачи – в ущелье Теберды.

Клухорские грузины поддерживали дружеские отношения с той малой частью карачаевцев, которым удалось остаться на родине. Грузины жили в Клухори до 1957 года, когда опять-таки по решению правительства СССР карачаевцы и балкарцы массово были возвращены на родную землю. Грузины тепло приняли их, оставили им ухоженные дома и поместья, а сами вернулись на родину.

²⁷ Л. Пруидзе. Предисловие. В книге: Д. Лобжанидзе. Грузины в Клухори. Тб. 2005, с. 9 (на грузинском языке).